

САМАРСКАЯ ГУБЕРНИЯ ЛЕТОМ-ОСЕНЬЮ 1918 Г.: ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫЕ ЗАГОТОВКИ В КОНТЕКСТЕ АГРАРНОЙ ПОЛИТИКИ КОМУЧА

Предлагается новая трактовка продовольственной и аграрной политики Комуча. Автор обосновывает тезис о его жестком антипомещичьем курсе. Некоторые уступки крупным землевладельцам связаны с попыткой изъять принадлежавший им хлеб в пользу государства.

Ключевые слова: Гражданская война, продовольственные заготовки, аграрная политика, крестьянство, помещики.

Продовольственная политика Комуча в советской и постсоветской историографии изучалась всегда в связи с аграрной проблематикой. Основные результаты исследования можно свести к тезису о формировании Комучем основы для восстановления помещичьего землевладения и взыскания компенсации с беднейшего крестьянства за использование собственности помещиков и кулаков при советской власти, восстановлении свободного рынка хлебопродуктов в интересах землевладельцев. Такие оценки закладывались «по свежим следам» противниками Комуча [1, с. 27–28]. В.В. Гармиза обратил внимание на то, что законодательство Комуча противоречило декларациям и предусматривало возвращение земли помещикам, которое власти проводили при помощи насильственных мер [2, с. 38]. Данный подход поддерживали и детализировали все советские исследователи, писавшие о повсеместном возвращении помещиков в деревню, наложении властью на крестьян огромных контрибуций за пользование помещичьими землями [3, с. 179–183; 7, с. 96–105; 12, с. 185–191; 13, с. 236–241].

С начала 1990-х гг. изменились акценты, но базовые подходы сохранились. А.В. Калягин в целом повторил основной тезис советской историографии, подкрепив его многочисленными ссылками на архивные документы. Действия Комуча в деревне, с его точки зрения, вели не только к приостановлению земельного передела, но и к обезземеливанию крестьян, получивших наделы от советской власти [5, с. 91–93]. Наиболее корректную оценку аграрной политике Комуча дали В.В. Кондрашин и В.А. Лапандин. Кондрашин оценивал его законо-

¹ Рынков Вадим Маркович, кандидат исторических наук, Институт истории Сибирского отделения РАН, vadsvet@list.ru, Россия, г. Новосибирск.

дательство как выработку приемлемого компромисса между крестьянством и помещиками. Земли, подвергнутые «черному переделу», у крестьян не изымали, но с полей, засеянных частными владельцами, урожай должен был принадлежать посевицам. Все разделы земли после 1 июня 1918 г. считались недействительными [8, с. 143–144, 9, с. 108–116]. В.А. Лапандин также отметил, что все распределенные между крестьянами частновладельческие земли сохранились в их пользовании. Но вслед за советскими исследователями он полагает, что, признав право снятия урожая за теми, кто произвел посев, Комуч фактически разрешил помещикам воспользоваться своими угодьями в текущем сельскохозяйственном году [10, с. 138–140].

Истинный смысл комучевского аграрного законодательства становится понятен, только если мы учтем ситуацию в поволжской деревне в 1917–1918 гг. Из 14 млн дес. учтенной в 1917 г. в Самарской губернии земли 7,7 млн являлось крестьянской надельной, 2,8 млн дес. принадлежало 4 тыс. частных собственников, 890 тыс. дес. — обществам и товариществам, 1,4 млн дес. — казне, 0,4 млн — удельному ведомству, 2,5 млн — различным учреждениям (в том числе 430 тыс. дес. Крестьянскому поземельному банку и 630 тыс. дес. церковным учреждениям)².

Аграрная революция 1917 г. в губернии имела специфику даже в сравнении с другими губерниями Поволжья. Собравшийся в марте Самарский губернский крестьянский съезд сформировал Совет крестьянских депутатов, руководители которого отвергали политику «непредрешения». II Самарский губернский крестьянский съезд в мае-июне 1917 г. выработал Временные правила пользования землей, предполагавшие раздел частновладельческих земель. Летом-осенью 1917 г. волостные земельные комитеты осуществили перераспределение частновладельческих и церковных земельных угодий, а также угодий, принадлежащих Крестьянскому поземельному банку и казне, отменили выплату арендных платежей. На основании действовавших правил частным владельцам, в том числе и хуторянам, оставлялась только та земля, которую они обрабатывали личным трудом, и инвентарь в количестве, необходимом для обработки оставленной площади. Повсеместными стали не только раздел земель крупных частных владельцев, но и возвращение отрубков в общинный надел. Временное правительство признало незаконными такие правила и призвало их немедленно отменить. Но руководство Самарского губернского крестьянского совета дезавуировало данное распоряжение правительства, аргументируя тем, что отмена уже свершившегося передела приведет к новым конфликтам.

² Земельный фонд Самарской губернии. Распределение земель по угодьям. Самара, 1918. С. 10–13, 45.

Интенсивность эгалитарных действий неравномерно распределялась по губерниям. В одних волостях земли помещиков и отрубников подверглись разделу уже к лету 1917 г., в других — их не трогали и только взяли на учет, что впрочем, блокировало возможность распоряжаться своим хозяйством под угрозой изъятия, в третьих — к учету еще не приступили.

Однако уже в августе 1917 г. по густонаселенным уже районам губернии покатилась волна межкрестьянских конфликтов, в том числе и внутриволостных, в связи с неравномерным распределением прирезок. Были и межволостные столкновения, которые разгорались в случаях, если арендаторами спорных участков оказывались не местные землевладельцы, а чужаки. В противоречие вступали две нормы, рожденные революцией: обоснованными считались претензии на землю как тех, кто ее арендовал, так и проживавших в непосредственной близости крестьян. Кроме того, частновладельческие имения и хутора подверглись разорению. Как правило, провоцировали крестьян на такие действия попытки владельцев реализовать свое имущество либо появление конкурирующих претендентов на «помещичьи» ценности.

24 декабря 1917 г. IV Губернский крестьянский съезд поставил задачу взять все помещичьи, хуторские и отрубные, казенные и банковские хозяйства на учет. В целях противодействия погромному движению, губернский и уездные земельные комитеты начали собственный учет частновладельческих имений. Специальный штат делегатов должен был производить описи имущества землевладельцев, и те, которые относились к «ценным», объявлялись общенародным достоянием. Наиболее ценные в агрокультурном отношении угодья подлежали передаче под управление земств, для формирования на их базе показательных опытных хозяйств. Остальные земли следовало распределить между крестьянами³. В первые месяцы 1918 г. этот проект начал осуществляться местными земельными комитетами. Но начало подобной работы не приостановило погромов и разделов частновладельческих хозяйств, не только крупных, но и мелких [6, с. 256–259; 13, с. 16, 19, 25, 33].

К лету 1918 г. аграрная жизнь в губернии претерпела новые перемены, резко осложнявшие и без того напряженную ситуацию. Группы беженцев направились в сельскую местность, занимая пустующие хутора частных владельцев. Куда более грозную силу представляли бегущие красноармейцы и советские работники. Это только в героической советской мемуаристке их изображали либо пробивающимися через линию фронта «к своим», либо прячущимися от чешской контрразведке в трущобах Самары. Документация же земельных органов отра-

³ Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф. 823. Оп. 4. Д. 1а. Л. 58–59 об.

жает совершенно другую картину. Многие противники Комуча, особенно из числа сельских советских активистов, отступили к отдаленным помещичьим имениям или усадьбам крупных отрубников. Захватив их с помощью вооруженной силы вместе со всем инвентарем, запасами хлеба и фуража, они в августе даже приступили к уборке урожая⁴. За редчайшим исключением, это были поля, засеянные не владельцами, а прошлогодними «захватчиками» их угодий.

Кроме того, усилилась череда межкрестьянских конфликтов на почве уборки урожая с распределенных в прошлом году помещичьих и хуторских земель. Нередко крестьяне оставались недовольны этой спонтанной дележкой первого года⁵. Уездные земельные комитеты летом 1918 г. наводнялись ходатайствами о более справедливом распределении. Эти документы свидетельствуют о массовых случаях отъема у мелких частных владельцев даже частей хозяйств и инвентаря, составлявших трудовую норму. Как стало очевидно, волна дробления крупных волостей на более мелкие в 1918 г., как правило, мотивировалась нежеланием производить уравнительный передел не только надельных, но и захваченных частновладельческих или арендованных угодий с жителями соседних селений внутри волостей. Возникла длительная переписка между волостными и уездными органами и тяжба между волостями. В худшем случае это завершалось драками и даже межселенными побоищами с покалеченными и убитыми.

Приказ № 51 Комуча от 25 июня 1918 г. предписал земельным комитетам завершить начатое при советской власти распределение сельскохозяйственных угодий, руководствуясь законом Учредительного собрания о социализации земли [4, с. 161–162]. Наиболее искаженную трактовку в историографии получил приказ Комуча № 124 от 22 июля 1918 г. о порядке уборки озимых посевов, учете скота и инвентаря [4, с. 198–200]. Именно он и преподносился как восстанавливающей помещичью собственность. По утверждениям советских и большинства современных историков, этот приказ давал право помещикам снимать урожай со своих полей.

В действительности Комуч руководствовался совершенно иными соображениями. Большинство конфликтов в деревне носило явно выраженный имущественный характер. Но ситуация оказалась настолько запутанной, что невозможно однозначно судить, в пользу какого имущественного слоя предлагал решить земельный вопрос Приказ № 124. Его текст провозгласил: «Право снятия озимых посевов, произведенных в 1917 году на 1918 г., как в трудовых, так и в нетрудовых хозяйствах, принадлежит тому, кто их произвел». Все споры о собственности на землю переносились на послевоенное время. В теку-

⁴ ЦГАСО. Ф. Р-532. Оп. 1. Д. 1. Л. 17.

⁵ Там же. Ф. 768. Оп. 2. Д. 1. Л. 2–2 об.

щем году любой посевищик, как законный, так и самочинный, получил право на урожай. Но если трудовые затраты на производство посева оказывались разделены между прежним и новым владельцем/пользователем, то сборщик урожая обязывался их компенсировать. Это касалось, как правило, разных групп крестьянства, споривших между собою за помещичьи и отрубные земли. Кстати, закон применялся на практике и имел за собою даже некоторую обычно-правовую традицию. Прецеденты, когда начинал обработку один пользователь земли, а продолжал ее или снимал урожай другой, возникали и в предшествующем году. Уже правила, утвержденные Самарскими губернскими крестьянскими съездами, предусматривали вознаграждение незаконно захватившим землю лицам, если они успели произвести на ней какие-либо работы. Подобные нормы нужны были именно на случай повторного перераспределения ненадельных земель.

Большинство частных владельцев при Комуче совершенно не рассчитывало вернуть свою землю. Более того, они подверглись новому давлению со стороны властных институтов. В частности, вопреки решениям II и III крестьянских съездов, окладные листы на уплату поземельных сборов направлялись юридическим владельцам земли, хотя никто из них летом 1918 г. не имел возможности извлекать доходы от своей земли. Крестьяне же, пользовавшиеся землей и инвентарем, не несли за них налоговое бремя⁶. В конце июля – начале сентября несколько уполномоченных были направлены в разные уезды Самарской губернии для производства учета частновладельческих хозяйств и в случае признания таковых нетрудовыми (или их части), изъятия их из пользования владельцев. Сохранившиеся акты свидетельствуют, что были описаны десятки «нетрудовых» имений, а также проверена сохранность имущества, описанного при постановке на учет в конце 1917 – начале 1918 г.⁷ Уездные земельные комитеты Самарской губернии восприняли указ Комуча № 124 как основание для завершения учета и переучета земли и инвентаря частновладельческих хозяйств⁸. Никаких поблажек крупным земельным собственникам и никаких компромиссов с ними он не предусматривал.

Был сделан даже новый шаг в изъятии частных владений. 15 сентября Самарская уездная земельная управа распорядилась произвести обследование садов бывших экономий. Сады следовало разделить на две категории – хозяйственные (потребительские или мелкотоварные)

⁶ ЦГАСО. Ф. 5. Оп. 9. Д. 1145. Л. 70.

⁷ По Самарскому уезду выявлен список из 25 имений, описанных в этот период и с тревогой отмечалось наличие 7 имений, до сих пор не описанных (Там же. Ф. 768. Оп. 3. Д. 11. Л. 2–3, 5–6; Ф. 823. Оп. 5. Д. 7. Л. 1–3.

⁸ Там же. Ф. 768. Оп. 3. Д. 3. Л. 2.

и промышленные (крупнотоварные). Первые оставались в распоряжении прежних владельцев, а вторые передавались в ведение земства, чтобы послужить основой для организации земского садоводства⁹. Основой для отнесения садов к определенному типу должны были служить документы IV Самарского губернского крестьянского съезда.

Опасения крестьян о том, что у них отнимут едва полученную землю частных владельцев, связано с хлебозаготовительной политикой Комуча. Приказ № 53 от 27 июля 1918 г. отменял твердые цены на хлеб [13, с. 163–164]. Для контроля над хлебным рынком был создан Хлебный совет, обладавший правом регламентации всех продаж и скупки в пользу государства по предельным ценам. Первоначально хлеб для населения и армии правительству собирался поставлять Самарский губернский союз кооперативных объединений, открывший в пределах губернии к началу осени 73 ссыпных пункта. Но к 20 сентября на них удалось заготовить лишь 90 тыс. пуд.¹⁰ Это была капля в сравнении с тем, что поставляла губерния в годы Первой мировой войны и тем, что требовалось, чтобы прокормить Народную армию, перешедшую от добровольческого к мобилизационному принципу комплектования.

Значительная часть товарной продукции в губернии производилась на крупных помещичьих латифундиях, подвергшихся захвату крестьянами либо учету со стороны земельных комитетов, также блокировавших их хозяйственную деятельность. Когда правительство столкнулось с необходимостью заготовить продовольствие для армии, выяснилось, что общинная деревня после уравнительного передела не собиралась поставлять хлеб в значительных количествах. Поэтому Комуч оказался готов трактовать земельные споры в пользу землевладельцев, даже крупных, при условии, что весь собранный хлеб будет продан государству. Как пояснила специальная инструкция к Приказу № 124, урожай, посаженный в 1918 г. усилиями собственников земли, поступает в распоряжение государства. Собственники получали вознаграждение по ценам, установленным Хлебным советом на момент совершения сделки.

Для некоторых собственников это стало шансом получить вознаграждение за посеянный хлеб, а возможно, сжать его под покровительством государства. Данная категория собственников оказалась крайне немногочисленна. Видимо, несколько десятков средних и крупных землевладельцев заключили контракты на поставку хлеба из будущего урожая озимых хлебов. Однако ни одного случая, когда бы условия данного контракта удалось выполнить, выявить не удалось. Зато известны несколько примеров плачевного окончания затеянной земле-

⁹ ЦГАСО. Ф. 768. Оп. 3. Д. 3. Л. 4.

¹⁰ Кооперация и жизнь (Самара). 1918. № 9. С. 20.

владельцами и хлебным советом операции. Архивы сохранили описание только таких случаев. Кстати, далеко не всегда это касалось крупных помещиков. Крестьянин с. Андросовки Николаевского уезда П.Л. Машушкин сообщал, что лишен возможности исполнить свои обязательства перед Хлебным советом в связи с тем, что крестьяне самовольно сжали посеянный им хлеб на площади 100 дес.¹¹ Другой пример — Петр Иванович Шелаболов, владелец 850 дес. посева в Черниговской волости Николаевского уезда, запродав свой урожай Хлебному совету и заручившись поддержкой Губенского земельного комитета, направил своего доверенного для получения от крестьян части распределенного ими своего инвентаря, достаточного для уборки указанного количества хлеба. По его утверждению, крестьяне не просто отказались отдавать инвентарь, но и предупредили, что забрать его можно только вооруженной силой. Не долго думая, П.И. Шелаболов передал право на сбор урожая непосредственно армии, заявляя, что без инвентаря он бессиле выполнить перед Хлебным советом обязательства по поставке хлеба¹². Аналогичная ситуация сложилась с посевами Ивана Ивановича Ковзана, 75 дес. которых были запроданы Хлебному совету на корню. Для их уборки посевщик также заручился разрешением Самарского губернского земельного комитета на право использования инвентаря, учтенного ранее. Но выяснилось, что часть инвентаря распределена между окрестными крестьянами (в документе использовано выражение «расхищена»), а остальное распоряжением Самарской уездной земельной управой изъято и передано в другую волость. Владельцу оставили из его скота среднечеловеческую норму — две лошади и корову¹³. Известен единственный случай посылки вооруженной силы для разрешения земельного спора, но он не связан с попыткой вернуть землю помещику. В Бузулукском уезде на рожь владельца Быкова претендовали крестьяне сразу трех соседних селений. На это почве между ними возник вооруженный конфликт, завершившийся тремя смертями. Пришлось вызывать отряд милиции¹⁴.

В итоге необходимый армии объем хлеба не был заготовлен ни от крестьянских хозяйств посредством кооперативной скупки, ни путем контрактации помещичьего хлеба. Зато инициатива Хлебного совета породила в самарской деревне слухи о возможности возвращения помещиков, а мероприятия земских органов по учету имений и инвентаря частных владельцев с целью организации показательных хозяйств интерпретировались многими крестьянами как реальная подготовка к изъятию у них революционных приобретений, хотя и не в пользу по-

¹¹ ЦГАСО. Ф. 5. Оп. 9. Д. 1144. Л. 164.

¹² Там же. Л. 246—246 об.

¹³ Там же. Л. 347—347 об.

¹⁴ Там же. Л. 310—311.

мещиков. Именно эти слухи и крестьянские страхи, воспроизведенные оппозиционной прессой и, прежде всего, подпольной большевистской газетой «Приволжская правда», а затем усугубленные откровенными фальсификациями в инициированных Самарским Истпартом мемуарах, и послужили основой для историографического мифа о возвращении при Комуче помещиков в самарскую деревню.

Литература

1. *Догоройченков А.* Крестьянство и учредилщина // Четыре месяца Самарской Учредилки. Самара, 1919.
2. *Гармиза В.В.* Из истории Самарской учредилки // Исторический журнал. 1940. № 8.
3. *Гармиза В.В.* Крушение эсеровских правительств. М., 1970.
4. Журналы заседаний, приказы и материалы Комитета членов учредительного собрания (июнь – октябрь 1918 года). Публикация / отв. ред. Б.Ф. Додонов. М., 2011.
5. *Калягин А.В.* Крестьянство и Комуч (К вопросу о социально-политических настроениях крестьянских масс) // Краеведческие записки. Самара, Вып. X. 2003.
6. *Климушкин П.Д.* История аграрного движения Самарской губернии // Кабытов П.С., Курсков П.А. Вторая русская революция: борьба за демократию на Средней Волге в исследованиях, документах и материалах (1917–1918 гг.). Самара, 2003.
7. *Кроль Р.И.* Комитет членов учредительного собрания и приход к власти Колчака. Дис. ... канд. ист. наук. М., б.г.
8. *Кондрашин В.В.* Самарский Комуч и крестьянство // Взаимодействие государства и общества в контексте модернизации России. Конец XIX – начало XX в.: Сб. науч. тр. Тамбов, 2001.
9. *Кондрашин В.В.* Крестьянство России в Гражданской войне: к вопросу об истоках сталинизма. М., 2009.
10. *Лапандин В.А.* Комитет членов Учредительного собрания. Самара, 2003.
11. *Литвин А.Л.* Крах аграрной политики контрреволюции 1918–1919 гг. // Вопросы историографии и источниковедения. Уч. зап. Казанского пед. ин-та. Вып. 71. Казань. 1969.
12. *Литвин А.Л.* Крестьянство Среднего Поволжья в годы гражданской войны. Казань. 1972.
13. *Гроицкий В.* Революция 1917–1918 гг. в Самарской губернии. Хроника событий. Т. II: 1918. Самара, 1929.